

ристическое средство³. Историческая реконструкция этого рецепта воспроизводит два содержательных плана: рациональный, связанный с конкретными препаративно-химическими превращениями свинца и его окислов, и символический (многотрудные перипетии *льва* и *дракона*), как бы дублирующий на небесном уровне ряд земных превращений металлов, их окислов и солей, но от того не менее — скорее более! — истинных в средневековом сознании, чем превращения земные. Такое двойственное прочтение текста как будто включается в исторический контекст двойственного реально-символического мировосприятия средневекового человека. Но включается ли? А если и включается, то каким образом включается?

Статическая взаимозаменяемость — вот что очевидно для символа и его земного прототипа. Оставим на время рецепт о *львах* и *драконах* и обратимся к иным алхимическим текстам, изобильно извергающим символически оформленный материал, из которого выстраивается многокрасочная картина герметического мира, воспроизводимая в каждом ее фрагменте. Открывающаяся алхимическая панорама — не только и не столько изображение, сколько предписание тому, кто взялся за алхимическое деяние.

Философское яйцо — символический образ герметической Вселенной. Это *сфера, зеленый лев, темница, гроб, перегонный куб, дом цыпленка, брачная комната, брачное ложе, матка, чрево матери, ступка, сито. Скорлупа яйца — медь, сплав меди со свинцом, железа с медью. Обожженная скорлупа — известь, мышьяк, реальгар. Жидкие части яйца — медная зелень, медный купорос. Яйцо — саморазвивающаяся Вселенная. Скорлупа — первоматерия, или воздухообразный хаос. Белок — сфера воздуха и огня, населенная ангело- и демоноподобными существами. В середине желтка помещен человек-птенец — микрокосмос, пребывающий в изоморфном отношении к макрокосмосу. В пределах алхимической Вселенной, пространстве философского яйца, вершится алхимическая практика.*

Дуб, пустой в середине, — символ алхимического горна. Этот сосуд из глины, объясняет Николай Фламель, называется философским тройным сосудом, ибо в его середине есть чаша, полная теплой золью, в которую положено философское яйцо (ВСС, 2, с. 368—370). Так яйцо-вселенная вдруг оказывается меньше выложенной гончарной глиной выемки, предназначенной для нагревания. Целое становится частью и часть — всеобъемлющим целым.

Операции *Великого деяния* представлены в алхимическом театре в бесчисленных символических ракурсах. Сплавление *серы* и *ртути* уподоблено акту священного *соития* *царя* и *царицы*. Таинство брака, зачатия и умирания участников соития — мощная алхимическая мифологема, от-

³ Изобретение символа — всегда сокрытие (раскрытие) тайны. Символотворчество — и возвышение земного объекта, и раскрытие его тайны, явленной в символе.